

Т. С. Злотникова, И. А. Хрящева

Феномен хипстера в мировой культуре (от судьбы к имиджу)

(Выполнено по гранту Российского научного фонда № 14-18-01833)

В статье поставлена проблема эволюции представлений о феномене хипстера в массовом сознании и в художественной практике. Материал исследования – публицистика Нормана Мейлера и его роман «Американская мечта». Впервые поставлен вопрос о соотношении имиджа и судьбы в феномене хипстера. Сравняется современный взгляд на термин «хипстер» и понимание его на стадии зарождения в американской культуре 50-х гг. XX в. Анализируется художественное выражение теоретической модели «хипстера», предоставленной Н. Мейлером в статье «Беглые размышления о хипстере». Обозначены национально-ментальные, гендерные признаки хипстера, его темперамент. Установлены и рассмотрены предметный, нравственно-психологический и социальный аспекты проблемы. Сделан вывод о том, что эволюция феномена хипстера происходит от бытийности (судьбы) к обыденности (имиджу). Отмечено значение феномена для понимания особенностей современной массовой культуры, где эксплуатируются внешние признаки хипстера.

Ключевые слова: хипстер, феномен, Норман Мейлер, «Американская мечта», имидж, судьба, эволюция, массовая культура

T. S. Zlotnikova, I. A. Khryashchiovа

The Hipster Phenomenon in World Culture (from destiny to image)

The article posed the problem of the evolution of ideas about the hipster phenomenon in mass consciousness and artistic practice. The material of study is journalism of Norman Mailer and his novel «American Dream». For the first time here is raised the question of the correlation of the image and destiny in the phenomenon of the hipster. It compares the modern view of the term «hipster» and understanding it in its infancy in American culture of the 50-ies of the XX century. The article examines the artistic expression of the theoretical model of the «hipster» provided by N. Mailer in the article «Superficial Reflections on the Hipster». National/mental, gender characteristics of the hipster and his temperament are designated. Objective, moral-psychological and social aspects of the problem are determined and regarded. It is concluded that the evolution of the hipster phenomenon comes from the existence (destiny) to the everyday life (to the image). The importance of the phenomenon for understanding the peculiarities of modern popular culture is designated, where outward signs of the hipster are used.

Keywords: a hipster, a phenomenon, Norman Mailer, «American Dream», image, destiny, evolution, popular culture.

Сегодня массовая культура имеет тенденцию «эксплуатировать» опыт культуры классической. В разные эпохи, в разных национальных культурах мы повсеместно можем наблюдать стремление представителей как молодого поколения, так и не очень молодого выйти за привычные рамки, установленные обществом, разрушить отдельные клише и найти новые темы и коммуникативные подходы к жизни.

Одним из ярких проявлений в современной культуре является апелляция к термину «хипстер, хипстеризм». Характерная сегодня эксплуатация термина «хипстер» и явления хипстеризма обусловлена своего рода «модой» на маргинальность, инаковость. Актуальность проблемы для России связана с процессами глобализации, которые делают прежде локальное явление культурным феноменом.

Несмотря на возникновение понятия и феномена более 50 лет назад, в России известны в основном лишь отдельные суждения и ссылки, позволяющие изучить сущность хипстеризма, но единой традиции системного изучения проблемы пока не сформировано; по-прежнему можно опираться большей частью на культурный опыт известного американского писателя XX в. Нормана Мейлера, который подробно описывает явление хипстеризма (относительно Америки 50-х гг. XX в.) в статье «Беглые размышления о хипстере» (1957) [15]. Российскому читателю статья стала доступна благодаря ее переводу А. М. Зверевым и анализу хипстеризма в соответствии со своим временем, данному выдающимся российским ученым в предисловии к ней [7]. Для того чтобы наиболее последовательно проследить и прояснить данное явление, необходимо обратиться к роману самого Н. Мейлера «Американская мечта»

[14] и на его примере, а также на примере немногих отечественных исследований американской культуры и творчества Н. Мейлера обозначить наиболее явные, с современной точки зрения, черты хипстеризма.

**Идентификация хипстера
как пограничного культурного феномена:
от судьбы к имиджу**

Известно, что любые культурные пристрастия, интересы, будь то культурные феномены или исторические процессы, всегда носят спиралевидный характер развития, особенно это касается тех, что обладают амбивалентной сущностью. Наблюдая за современным культурным процессом, можно отметить популярность и даже эксплуатирование вышеназванного понятия, что обуславливается своего рода «модой» на маргинальность, инаковость среди очередного молодого поколения.

Названная тенденция вписывается в более широкий процесс – возникший, особенно в последнее десятилетие интерес к 50–60-м гг. XX в. В числе артефактов оказываются фильмы, литературные произведения, сериалы и, несомненно, явление моды.

Тем не менее, мы обнаруживаем, что современное понимание термина «хипстер» становится абсолютно релевантным, при условии понимания источника понятия и процесса его возникновения. Обращаясь к массовым источникам отечественного интернет-пространства, мы можем заметить, что масскультовый дискурс понятия «хипстер» далек от научной корректности. Таким образом, в этих по-новому звучащих определениях отражается изменившаяся картина представлений об этом явлении (а не просто понятии), закреплённая у большинства в сознании. Так, на сайте ru.wikipedia.org хипстер истолкован следующим образом: это «обеспеченная городская молодежь, интересующаяся элитарной зарубежной культурой и искусством, модой, альтернативной музыкой и инди-роком, артхаусным кино, современной литературой и т. п.» [24]. Есть попытки определить хипстеров как современных стилияг, дать провокативную интерпретацию хипстеризма с точки зрения современных реалий [12]. Очевидно, что современные представления весьма отдаленно соотносятся с понятием хипстера, каким оно было в момент его возникновения – в середине XX в.

Российское восприятие достаточно специфично фиксирует многие понятия иностранного происхождения, по аналогии, но созвучно. К примеру, понятия «хипстер» и «хиппи» часто воспринимаются как синонимы.

Найденные нами аналогии данного понятия, присущие российской (советской) культуре и привычные отечественной публике, спекулятивно используются для «перевода» представлений западной культуры на современный русский язык. Для современников хипстеров пояснения не были актуальны, ибо была понятна судьба. Для наших современников делаются квазипереводы, выхолащивающие судьбу до рамок имиджа, то есть внешних признаков явления. Имеет значение и национально-ментальный аспект понимания феномена: одно и то же душевное состояние, мотив одиночества, непонятости, попытка привлечь к себе внимание какими-то экстраординарными средствами существует всегда и везде, но проявляется по-разному, имея разные именованья – в разных национальных культурах и в разные эпохи.

Обращаясь в современному пониманию понятия «хипстер», нужно оценить корректность содержания приведенного выше определения. Начиная, главным образом, с такого слова, как «стиляга», отметим, что это оно, возникнув в СССР в 50–60-е гг. XX в., относилось исключительно к культурному пространству того времени и того государства. При этом оно характеризовало в большей степени только манеру «одеваться и причёсываться», то есть форму, и имело некоторое, значительное лишь для того времени, социальное содержание. Поэтому не удивительно, что человек другой национальности сегодня не поймет, кто такой «стиляга», но наверняка поймет, кто такой «хипстер». Отметим и то, что несколько неточно в связи с хипстером упоминание артхаусного кино, которое как полноценное понятие начинает формироваться с самого конца XX в., наряду с синонимичным понятием авторского кино (например в лице Антониони, Бергмана). Таким образом, само представление о хипстере размывается в плане понимания специфичной судьбы и, наоборот, закрепляется в плане характеристики всего-навсего имиджа.

Для восстановления логики понимания хипстера как судьбы следует вернуться к корням возникновения хипстеризма как феномена культуры. Для этого мы обращаемся к работам и собственно личности известного американского прозаика, эссеиста и публициста Н. Мейлера, который по праву считается основоположником и первым создавшим детерминацию дефиниции хипстеризма, в частности, в американской культуре 50-х гг. XX в. В своей знаменитой статье «Беглые размышления о хипстере» [15] он пытается с философской точки зрения подойти к основным прин-

ципам и идеям, скрывающимся под термином «хипстер», а в романе «Американская мечта» [14] – продемонстрировать наличие у персонажа обозначенных признаков.

Мейлер в свое время считался персоной во многом скандальной, особенно в личной жизни, которая была освещена в СМИ (скандал с женой, баллотирование на пост мэра Нью-Йорка и др.) [18]. Герой романа «Американская мечта» очень похож на своего автора, только в гиперболизированном варианте.

Не углубляясь в жизнь Мейлера и суть романа, отметим, что Мейлер как личность, его духовное состояние, его поиски, его восприятие мира – это судьба. Мейлер же как автор романа – это создатель судьбы персонажа, основанной на собственном опыте. То есть на этапе формирования представлений о хипстере – хипстер это скорее судьба, и только потом появляются признаки имиджа хипстера.

Многие исследователи обращали внимание на соотношение идеологии битников и идейных основ хипстеризма, обобщенных Мейлером. Но единого мнения при изучении данного вопроса, а именно того, кто из них повлиял друг на друга, не было обнаружено. Достоверно можно утверждать тот факт, что мнения исследователей были противоположны, но при этом все видели взаимосвязь. А. Зверев указывал в своих работах, что битники «обращаются к философии хипстеризма, обоснованной Мейлером» [6]. М. Туровская [22], напротив, утверждала, что хипстеры – это любое поколение молодежи, которая протестует против удобной их собственным принципам сложившейся ситуации, при этом, не всегда предлагая конкретную альтернативу. Полагаем, у этих исследователей явно речь шла о своеобразной судьбе человека и даже сообществ, а не о внешних признаках – то есть не об имидже. Если же обратить внимание на время написания Мейлером эссе «Беглые размышления о хипстере» [15] (а именно – 1957 г.) и при этом отметить, что битники дают знать о своем существовании в середине 1950-х, то есть примерно после 1955 г., можно тем самым подтвердить мнение Туровской. Позиция битников заключается в принципе разобщенности (с психологической стороны) и независимости – с социальной; выстраивается логический ряд: битники это те же хипстеры, но битники – самоназвание, а хипстеры – промежуточное явление, охарактеризованное извне.

Опираясь на мнение Туровской и одновременно разделяя его, отметим, что хипстеризм не стал

отдельной субкультурой с собственными архетипическими признаками, поскольку архетипичность культуры заключается в наличии единого ряда ценностей, которые сохраняют, пусть и трансформируясь, звучание в последующие эпохи [3]. Так, представителей зародившейся в Англии в начале 1950-х субкультуры «**teddy boys**» (манера одеваться в стиле эпохи правления короля Эдварда VII, любовь к джазу и рок-н-роллу) можно назвать в определенном смысле хипстерами. В то же время хипстерами можно назвать и «бунтовщиков» середины 1950-х «битников», и, спустя 10 лет, в 1960-х, «хиппи» – представителей движения, призывающих к «бунту без бунта». Смысл аналогичного хипстерскому протеста заключается в том, что одни и те же вопросы и проблемы возникают заново для разных поколений, потому что ответы и способы решения проблем меняются [22].

Таким образом, можно сказать, что хипстеризм – это своеобразный протестный социопсихологический модус, а не только явление отдельной эпохи. Оно применимо к разным поколениям молодежи [22]. Когда начинает развиваться влияние, начинает проявляться интерес, параллельно невольно выхолащиваются индивидуальные признаки судьбы (духовные составляющие) и остается имидж, признаки которого и можно найти в битниках. Ключевым моментом остается то, что хипстер – такое явление, которое балансирует между судьбой и имиджем.

Если хипстера рассматривают в аспекте самоощущения, тогда это *судьба*, в случае определенной внешней составляющей – *имидж*. Правда, хипстер теоретически, по Н. Мейлеру, также имел определенный ряд внешне заметных признаков: в плане речи – наличие сленговых выражений, главным образом нецензурной лексики («действуй», «сделаем», «просечь», «трухнул», «чувак», «дубовый» и др., также нецензурные выражения [15]); в плане взгляда на мир – равнодушие ко всем социальным и человеческим проявлениям жизни, доходящее до полного отчуждения от окружающего общества, то есть презирирование всего, что находится вокруг, так как он ставит себя выше этого; в плане внешней составляющей – пренебрежение, выражающееся в форме вызова, к тому впечатлению, которое он произведет своими внешними проявлениями (внешний вид, поведение, лексика); в плане действия – всегда имеет цель: у изначального хипстера той эпохи цель – «познать себя» [15] либо противостоять негативным внешним обстоятельствам, цель бытия – жить в полной мере; у более позднего хипстера,

сегодня, – это всегда демонстрация своих отличий от окружающего мира. Если у хипстера, по Мейлеру, *судьба* преобладала над *имиджем*, то для современных хипстеров имидж выходит на первый план.

Истоки судьбы (хипстер в романе Н. Мейлера «Американская мечта»)

Итак, хипстер как судьба выявлен применительно к 1950 гг., реалиям США с их социально-экономическими реалиями, с президентом Д. Эйзенхауэром и балансированием между всем известной «американской мечтой» и новым культурным концептом – «американский образ жизни», основой которого становится массовая культура, а социальная характеристика дается через понятие «общество массового потребления». Но в культуре, тем не менее, «американская мечта» не сдавала позиций, а шла бок о бок с «американским образом жизни». Художественное выражение этих проблем связывалось исследователями в нашей стране с атмосферой конформизма [17].

Наряду с социально-политическим аспектом «американской мечты», значимым в момент рождения хипстеризма, особенно важным сегодня представляется аспект нравственно-психологический. В духе эпохи и творчества самого Мейлера название романа носило парадоксальный характер. Напомним, что термин «американская мечта» впервые был употреблен Г. Адамсом в его «Истории Соединенных Штатов Америки» (1884), а теоретическую основу термина предложил Д. Т. Адамс в книге «Американский эпос» (1931), применив это понятие ко всей американской истории. Так было зафиксировано отождествление «американской мечты» с американизмом, который отличает американцев от европейцев [2]. Не повторяя известных социально-политических определений и доводов в отношении понятия и понимания «американской мечты», пропагандистских акцентов на особом, демократическом пути развития государства, отметим более локальное, но укоренившееся в глобальном мире представление. Имеем в виду «американскую мечту» как изначально позитивное в социально-психологическом плане понятие, заключающее надежду на обычное, «маленькое» счастье, которая в «американский кошмар», возникающий из-за несбыточности счастья. Диагноз идеалам в свое время ставит Норман Мейлер, сначала в публицистических «Президентских докладах» (1963), а затем уже в художественной форме в «Американской мечте» [2]. Вот почему возникает парадокс, основанный на дихотомии американской

мечты и хипстеризма, причем хипстер выступает не просто противником, а разрушителем американской мечты.

Сам Мейлер определяет идею «американской мечты» как социокультурного феномена: «Начиная с Первой мировой войны, американцы стали вести двойную жизнь, и наша история раздвоилась на два потока: один – видимый и другой – скрытый, подпольный. Первый поток – это история политики, которая конкретна, фактологична, практична и невероятно скучна, второй поток – поток яростных, одиноких романтических желаний, концентрирующий экстаз и насилие. Это и есть жизнь нации в мечте» [цит. по: 2, с. 173]. Рассматривая данное высказывание с точки зрения особенностей хипстеризма, возможно предположить, что первый поток является отражением «скауэра», второй, напротив, «хип», что и показано в романе «Американская мечта» (1965).

Напомним сюжетные линии романа. Главный герой – Стивен Роджек, герой войны, профессор университета, шоумен, член конгресса США, друг Элеоноры Рузвельт и Джона Кеннеди, а также потенциальный зять владельца автомобильной фирмы с личным капиталом в двести миллионов долларов. После войны политическая деятельность свела его с дочерью известного политического деятеля Келли, восемь лет брака становятся постоянным испытанием для супругов: Дебора, имевшая множество любовников, красивая, сильная, волевая женщина, держит его на расстоянии и в постоянном беспокойстве. Когда же его страх и ненависть становятся выше любовных чувств и инстинктивных желаний, он жестоко и равнодушно убивает ее – душил и выкидывает тело в окно. С этого момента начинаются душевные муки героя и осознание себя убийцей [14].

Кажущаяся простота сюжета и реальная сложность человеческих характеров требует особого алгоритма анализа «американской мечты» как культурного феномена и «американской мечты» как романа. Следовательно, мы выделили ряд характерных признаков, которые присущи литературному герою.

Ж. Бордрийяр отмечает, что «белое население в Европе и в Америке испытывает своеобразный комплекс вины, это выражается в парадоксальном положении, когда цветные действуют по известной формуле прекрасного пола: «Я слабая женщина и меня всякий может обидеть». Черное население демонстрирует не менее жестокую ответную реакцию [1, с. 32], мало сейчас известное явление «негритюд» во второй половине в XX в.

отразило ответное противостояние в виде агрессии уже негров. В связи с остротой понимания расовой проблематики хипстером напомним и то, что, согласно интерпретации массового сознания Г. Лебона [13], низшие расы (негры) живут инстинктами, высшие же расы (американцы) – настойчивы и самодостаточны. Мейлер, в свою очередь, говорит о преемственности: американцы наследуют негритянские модели поведения; писатель, говоря о хипстере, свел инстинктивность поведения, волю и энергию, яркую индивидуальность как свойства чисто «негритянские», воспринимаемые «белыми».

Зная особенности социокультурной атмосферы США 1950-х гг., можно понять: Мейлеру было важно ради «эффектности» в художественном произведении ввести контраст «черный – белый», сформировать оппозицию персонажей по национально-ментальному признаку. Оппозиция «белый – негр» прослеживается на протяжении всего романа (негр Шаго и Роджек): негр – сдержанность, обдумывание, затем действие; Роджек – уверенность, самообладание, неготовность принятия поражения. Белый пытается уподобиться негру, чтобы победить его (пример восприятия (копирования) черт негров белыми, что было важно для Мейлера).

Хипстер, по Мейлеру – автору романа, имеет психологические свойства, объясняющие особенности его судьбы. Таковы высокая эмоциональность, частые смены настроения и характерная аффектированность поведения – признаки холерического темперамента персонажа; отсюда вытекает упомянутый отечественным исследователем первый и главный символический акт «экзистенциалистского высвобождения» Роджека из пут «тоталитаристской действительности...» [16]. В соответствии с теоретическим обоснованием признаков хипстеризма, по Мейлеру, можно сказать, что первый период, до убийства, демонстрировал героя как «скауэра» (попытка сжиться с обществом), а уже после в герое торжествует «хип» (обретает свободу и одновременно одиночество) [8, с. 13]

Подчеркнем, что любовь у Мейлера по определению трагична, любовь и смерть идут параллельно. С точки зрения Э. Фромма, отношения Роджека и его жены Деборы можно назвать садистско-мазохистскими: У Роджека это выражается в мазохистской зависимости, а у Деборы несет садистскую тенденцию. «Живя с ней, я испытывал склонность к убийству; пытаюсь расстаться – к самоубийству» [14]. Роджек борется за то, чтобы

быть хипстером, не оставаться «хилым» и не проявлять слабость в угоду идеологии хипстеризма.

Отражение феномена хипстера в романе Н. Мейлера, по нашему мнению, конкретизируется в трех принципиальных для этого произведения аспектах: предметном, нравственно-психологическом и социальном.

Один из исследователей творчества Мейлера отмечает: «Стивен Роджек – обладатель не только редкой биографии, но и гипертрофированной чисто “мейлеровской” впечатлительности, ума блестящего, но исковерканного и лишённого морального (в традиционном его понимании) основания» [16, с. 157]. Мы обозначаем *предметный аспект*, отражающий избирательность восприятия, на основе которой формируются доминирующие (и специфические для хипстера) элементы предметного мира.

Во-первых, немцы, убитые им на войне, – это те образы, которые возвращаются к нему до момента убийства Деборы: «...я убил человека, убил четверых, четверых немцев, убил при свете полной луны...» [14]. Кровавые события войны и убийство немцев детерминировали стремление к убийству. Немецкий философ Т. Адорно говорил: «Потребность в злодеянии, переживаемая неким субъектом, способна получить фиктивное воплощение, если данный индивид приобщится к «кровавому зрелищу» [3, с. 299].

Во-вторых, Дебора, его жена, трансформируется после убийства в визуально конкретные образы-предметы, которые преследуют и пугают его: «А пока я еще пребывал в магическом кругу алкоголя, в золотой колеснице, обитой красным бархатом, и в этой колеснице мог проехать по полю, оглядываясь на каждый поднявшийся с земли труп, и у всех у них было лицо Деборы» [14]. Тенденция невротика перекладывать вину на других проявляется в Роджеке как постоянное упоминание Деборы в качестве причины всех бед. Согласно Фрейдю, стремление к самоуничтожению обусловлено необходимостью выхода враждебности и жестокости [25]. В соответствии с этим утверждением видно, что герой романа долгое время терпит жену, постепенно стремясь к убийству, в итоге в полной мере выплескивает всю ненависть к ней, жестоко ее убив.

И наконец, третий «предмет», луна и лунный свет в частности, – основной и доминирующий элемент в романе. Луна сопровождает героя везде, воплощая мотив сиротства, потерянности и неприкаянности, а также как символ вечного поиска: «...проникновение луны было всеобъемлю-

щим»; «...моей тайной пугливой влюбленностью в фазы луны...» [14].

Каждый из элементов предметного мира подтверждает определенную зависимость героя непосредственно от него, не просто обозначая его романтическую сущность, но напоминая о том, что «совесть» – это надсмотрщик, приставленный к человеку им самим» [23]. Несмотря на «демонов» Роджека, видны реальные, «земные» предпосылки его поступков.

Специальное значение имеет *нравственно-психологический* аспект исследования.

Мы опираемся на то, как вопрос о свободе рассмотрен Э. Фроммом в работе «Бегство от свободы», поскольку в романе Н. Мейлера показана именно попытка «бегства от свободы». Э. Фромм четко разграничил пути бегства двумя вариантами: «позитивная» свобода и «путь назад»: возможно, «история человечества – лишь тщетная попытка быть свободным», но, хочет ли этого человек, не всегда понятно [23].

На первом этапе герой использует «путь назад», то есть полностью отказывается от свободы, подкрепляемой полным подчинением общественным установкам и вынужденной деятельностью. Результат первого – невроз, те самые навязчивые мысли и видения предметного мира, а также непринятие себя реального и своих возможностей. Мейлер считает, что хипстеру «ощутить себя хилым – это кошмар», что «трусость» – это удел порядочных: «...порядочные из трусости стараются не замечать, – боль, вину, стыд, желание» [13, с. 141].

Испробовав первый путь, он обращается ко второму – «позитивная свобода», которая подразумевает движение с помощью любви и творческого труда. Не находя ответной любви в начале истории (жена Дебора), он находит ее в конце (Шерри – певица из бара). Однако ожидания счастья не сбываются в связи со смертью девушки.

Особое внимание необходимо уделить нравственно-психологическому пониманию хипстером убийства и самоубийства. «Убийство – это симфонический оркестр, звучащий в вашем мозгу, а самоубийство – лишь жалкий квартет» [14]. Насилие и убийство у Мейлера – «жест скорее отчаяния, скорее самообороны, чем агрессия» [22 стр. 233]. Следует подчеркнуть, что социальный аспект также играет немалую роль.

В связи с *социальным аспектом* прослеживается тенденция интереса белых к негритянской модели поведения (о чем упоминалось выше). Героя явно привлекает негритянская экзистенция, выра-

женная, как следует из романа, посредством джаза. Даже женщина, Шерри, привлекает его по причине того, что она «...осведомлена о многом... о хорошем джазе» [14].

Хипстер, по версии Н. Мейлера, не запрограммирован на самоуничтожение, его судьба построена на попытках адаптации, имеет признаки конформности. Вот почему такая судьба может стать, как мы видим в культурных практиках более позднего времени, основой имиджа. Вот почему в конкретном художественном произведении, романе «Американская мечта», финал не выглядит на самом деле пессимистичным, даже с учетом смерти Шерри. Роджек становится вновь «нормализовавшимся приспособленцем», имеющим, как справедливо заметил А. Мулярчик, «телепатическую связь» с недостижимой теперь любовью. В нем рождается надежда на новую, содержательную жизнь [16, с. 162].

Изначально поставленный нами вопрос (*хипстер – судьба или имидж?*) не имеет однозначного ответа. Между хипстером-судьбой и хипстером-имиджем, особенно с точки зрения массового сознания, нет жесткой границы, а потому постановка вопроса продолжает оставаться дискуссионной. Любое наследование все равно содержит больше признаки имиджа, чем *судьбы*, хотя к этому имиджу обращаются люди определенной *судьбы*: для одних это на самом деле только имитация судьбы и попытка привлечь к себе внимание, а для других это может быть неосознанный резонанс с их собственной *судьбой*.

Человек не всегда может осознавать и признавать себя хипстером, даже может не знать этого слова, но по внешнему облику, по манере поведения можно обнаружить признаки данного феномена и в современной, в том числе российской, обыденности. Кроме того, мы констатируем эволюцию феномена хипстера от бытийности (*судьбы*) к обыденности (имиджу).

Библиографический список

1. Бодрийяр, Ж. Америка [Текст] / Ж. Бодрийяр. – СПб. : Владимир Даль, 2000. – 123 с.
2. Голенопольский Т. Г., Шестаков В. П. «Американская мечта» в литературе США [Текст] / Т. Г. Голенопольский, В. П. Шестаков. – М. : Искусство, 1981. – 240 с.
3. Гуревич, П. С. Философия культуры [Текст] : пособие для студентов гуманитарных вузов / П. С. Гуревич. – М. : Аспект Пресс, 1994. – 317 с.
4. Засурский, Я. Н. Американская литература XX века [Текст] / Я. Н. Засурский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 504 с.
5. Зверев, А. М. Американский роман 20–30-х

годов [Текст] / А. М. Зверев. – М. : Худож. лит., 1982. – 256 с.

6. Зверев, А. М. Модернизм в литературе США [Текст] / А. М. Зверев. – М. : Наука, 1979. – 320 с.

7. Зверев, А. М. Предисловие к публикации [Текст] / А. М. Зверев // Вопросы философии. – 1992. – № 9. – С. 127–130.

8. Злотникова, Т. С. Человек. Хронотоп. Культура: Введение в культурологию [Текст] : учебное пособие / Т. С. Злотникова. – Издание 3-е, дополненное и переработанное. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2011. – 332 с.

9. Коды массовой культуры: российский дискурс : коллективная монография [Текст] / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, Т. И. Ерохиной. – Ярославль : RIO ЯГПУ, 2015. – 240 с., илл.

10. Козлов А. С. Литературоведение Англии и США XX века [Текст] / А. С. Козлов. – М. : Московский лицей, 2004. – 256 с.

11. Коновалова Ж. Г. Автор – повествователь – герой в художественно-документальных книгах Н. Мейлера, Х. Томпсона, Г. Тейлиза [Текст] / Ж. Г. Коновалова // Филология и культура. – 2014. – С. 244–249.

12. Куренной, В. А. «Хипстер – Жан-Жак Руссо: культуролог Куренной о слове на букву «Х» [Электронный ресурс] / В. А. Куренной. – Режим доступа: <http://gorod.afisha.ru/people/hipster-eto-sovremennyy-zhazhak-russo-vitaliy-kurennoy-o-novom-rokolenii/> Проверено 07.02.2016

13. Лебон, Г. Психология народов и масс [Электронный ресурс] / Г. Лебон. – Режим доступа: <http://www.psi-test.ru/pub/Lebon/oglav.html>. Проверено 07.02.2016

14. Мейлер, Н. Американская мечта: роман / Н. Мейлер. – СПб. : ИНАПРЕСС, 1993. – 304 с.

15. Мейлер, Н. Беглые размышления о хипстере / Н. Мейлер // Вопросы философии. – 1992. – № 9. – С. 131–145.

16. Мулярчик, А. С. В погоне за бегущим временем. Романы Нормана Мейлера [Текст] / А. С. Мулярчик // Вопросы литературы. – 1978. – № 10. – С. 128–165.

17. Мулярчик, А. С. Современный реалистический роман США: 1945–1980 : учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.» [Текст] / А. С. Мулярчик. – М. : Высш. шк., 1988. – 174 с.

18. Нелегко быть Норманом Мейлером [Текст] // Иностранная литература. – 1983. – № 10. – С. 249–250.

19. Несмелова, О. О. Коновалова Ж. Г. Мифологизация личности в творчестве Н. Мейлера (по книгам «Бой», «Мэрилин. Биография», «О женщинах и их изяществе») [Электронный ресурс] / О. О. Несмелова, Ж. Г. Коновалова // Вестник ТГГПУ. – 2009. – № 1. – Режим доступа: [http://philology-and-](http://philology-and-culture.kpfu.ru/?q=system/files/14_16.pdf)

culture.kpfu.ru/?q=system/files/14_16.pdf Проверено 07.02.2016

20. Николокин, А. Н. Американские писатели и критики: Из истории литературоведения США XVIII–XX веков [Текст] / А. Н. Николокин. – М. : ИНИОН РАН, 2000. – 292 с.

21. Роттенберг Т. Норман Мейлер [Текст] / Т. Роттенберг // Иностранная литература. – 1985. – № 1. – С. 236–239.

22. Туровская, М. Преступление века и массовая цивилизация. Т. Капоте и Н. Мейлер [Текст] / М. Туровская // Новый мир. – 1968. – № 7. – С. 231–239.

23. Фромм, Э. Бегство от свободы [Текст] / Э. Фромм. – М. : Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. – 248 с.

24. Хипстеры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Хипстеры> Проверено 07.02.2016

25. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Новые пути в психоанализе [Текст] / К. Хорни. – СПб. : Питер, 2014. – 304 с.

26. Ясперс, К. Духовная ситуация времени [Текст] / К. Ясперс // Смысл и назначение истории. – М. : Полит-издат, 1991. – 527 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Bodrijjar, Zh. Amerika [Tekst] / Zh. Bodrijjar. – SPb. : Vladimir Dal', 2000. – 123 s.

2. Golenopol'skij T. G., Shestakov V. P. «Amerikanskaja mechta» v literature SShA [Tekst] / T. G. Golenopol'skij, V. P. Shestakov. – M. : Iskustvo, 1981. – 240 s.

3. Gurevich, P. S. Filosofija kul'tury [Tekst] : posobie dlja studentov gumanit. vuzov / P. S. Gurevich. – M. : Aspekt Press, 1994. – 317 s.

4. Zasurskij, Ja. N. Amerikanskaja literatura HH veka [Tekst] / Ja. N. Zasurskij. – M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1984. – 504 s.

5. Zverev, A. M. Amerikanskij roman 20–30-h godov [Tekst] / A. M. Zverev. – M. : Hudozh. lit., 1982. – 256 s.

6. Zverev, A. M. Modernizm v literature SShA [Tekst] / A. M. Zverev. – M. : Nauka, 1979. – 320 s.

7. Zverev, A. M. Predislovie k publikacii [Tekst] / A. M. Zverev // Voprosy filosofii. – 1992. – № 9. – S. 127–130.

8. Zlotnikova, T. S. Chelovek. Hronotop. Kul'tura: Vvedenie v kul'turologiju [Tekst] : uchebnoe posobie / T. S. Zlotnikova. – Izdanie 3-e, dopolnennoe i pererabotannoe. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2011. – 332 s.

9. Kody massovoj kul'tury: rossijskij diskurs : kollektivnaja monografija [Tekst] / pod nauch. red. T. S. Zlotnikovoj, T. I. Erohinov. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2015. – 240 s., ill.

10. Kozlov A. S. Literaturovedenie Anglii i SShA HH veka [Tekst] / A. S. Kozlov. – M. : Moskovskij licej, 2004. – 256 s.

11. Konovalova Zh. G. Avtor – povestvovatel' – geroj v hudozhestvenno-dokumental'nyh knigah N. Mejlera,

- H. Tompsona, G. Tejliza [Tekst] / Zh. G. Konovalova // Filologija i kul'tura. – 2014. – S. 244–249.
12. Kurennoj, V. A. «Hipster – Zhan-Zhak Russo: kul'turolog Kurennoj o slove na bukvu «H» [Jelektronnyj resurs] / V. A. Kurennoj. – Rezhim dostupa: <http://gorod.afisha.ru/people/hipster-eto-sovremenny-zhazhak-russo-vitaliy-kurennoj-o-novom-pokolenii/> Provereno 07.02.2016
13. Lebon, G. Psihologija narodov i mass [Jelektronnyj resurs] / G. Lebon. – Rezhim dostupa: <http://www.psi-test.ru/pub/Lebon/oglav.html>. Provereno 07.02.2016
14. Mejler, N. Amerikanskaja mehta: roman / N. Mejler. – SPb. : INAPRESS, 1993. – 304 s.
15. Mejler, N. Beglye razmyshlenija o hipstere / N. Mejler // Voprosy filosofii. – 1992. – № 9. – S. 131–145.
16. Muljarchik, A. C. V pogone za begushhim vremenem. Romany Normana Mejlera [Tekst] / A. S. Muljarchik // Voprosy literatury. – 1978. – № 10. – С. 128–165.
17. Muljarchik, A. S. Sovremennyj realisticheskij roman SShA: 1945–1980 : ucheb. posobie dlja vuzov po spec. «Rus. jaz. i lit.» [Tekst] / A. S. Muljarchik. – M. : Vyssh. shk., 1988. – 174 s.
18. Nelegko byt' Normanom Mejlerom [Tekst] // Inostrannaja literatura. – 1983. – № 10. – S. 249–250.
19. Nesmelova, O. O. Konovalova Zh. G. Mifologizacija lichnosti v tvorcestve N. Mejlera (po knigam «Boj», «Mjerilin. Biografija», «O zhenshhinah i ih izjashhestve») [Jelektronnyj resurs] / O. O. Nesmelova, Zh. G. Konovalova // Vestnik TGGPU. – 2009. – № 1. – Rezhim dostupa: http://philology-and-culture.kpfu.ru/?q=system/files/14_16.pdf Provereno 07.02.2016
20. Nikoljukin, A. N. Amerikanskie pisateli i kritiki: Iz istorii literaturovedenija SShA HVIII–HH vekov [Tekst] / A. N. Nikoljukin. – M. : INION RAN, 2000. – 292 s.
21. Rottenberg T. Norman Mejler [Tekst] / T. Rottenberg // Inostrannaja literatura. – 1985. – № 1. – С. 236–239.
22. Turovskaja, M. Prestuplenie veka i massovaja civilizacija. T. Kapote i N. Mejler [Tekst] / M. Turovskaja // Novyj mir. – 1968. – № 7. – S. 231–239.
23. Fromm, Je. Begstvo ot svobody [Tekst] / Je. Fromm. – M. : Flinta: MPSI: Progress, 2006. – 248 s.
24. Hipstery [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Hipstery> Provereno 07.02.2016
25. Horni K. Nevroticheskaja lichnost' nashego vremeni. Novye puti v psihoanalize [Tekst] / K. Horni. – SPb. : Piter, 2014. – 304 s.
26. Jaspers, K. Duhovnaja situacija vremeni [Tekst] / K. Jaspers // Smysl i naznachenie istorii. – M. : Po-lit-izdat, 1991. – 527 s.